

субъективно. Подтверждение конкретной направленности «Опыта» именно против «Антидота» наглядно отражено в сопоставительном анализе статей о В. П. Петрове из «Антидота», «Опыта» и статьи С. Г. Домашнева «О русских писателях».¹⁵ Однако абсолютизировать полемический пафос «Опыта» не следует прежде всего потому, что цели, которые перед собой ставили лейпцигский аноним (познакомить западноевропейского читателя с достижениями современной русской литературы) и Екатерина II (защитить русскую культуру от хулы иностранца), едва ли могли находиться в противоречии с замыслом Новикова (составить возможно более полный историко-литературный справочник). Субъективизм отдельных оценок «Известия» или «Антидота» также не может рассматриваться в качестве причины создания «Опыта». Скорее всего, роль решающего толчка сыграло то, что в отличие от лейпцигского анонима и Екатерины II для Новикова русская литература не была лишенным исторических корней детищем петровской эпохи, а представляла во всем своем многовековом историческом развитии.

В предисловии к «Опыту» Новиков объяснил его появление тем, что «все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти своих писателей: а без того погибли бы имена всех в писании прославившихся мужей», но лишь «одна Россия по сие время не имела такой книги, и, может быть, сие самое было погубило многих наших писателей, о которых никакого не имеем мы сведения» (Опыт. С. [11—12]). Новиков поместил в «Опыте» статьи о 54 писателях X—XVII вв.; по сравнению с «Известием» время возникновения русской литературы сместилось более чем на семь веков: от Феофана Прокоповича до летописца Нестора. Столь обширное хронологическое расширение границ истории русской литературы поколебало основную концепцию написанных с позиций просвещенного абсолютизма «Известия» и «Антидота», в которых зарождение русской литературы связывалось с деятельностью Петра I. Удар нанесен был и по утверждениям недоброжелательно настроенных к России иностранцев об отсутствии у русской литературы многовековой истории. 17 % писателей допетровской Руси от общего числа помещенных в «Опыте» — эта цифра говорила за себя достаточно красноречиво.

Другим направлением полемики «Опыта» с «Известием» явилась демонстрация всесословного характера русской литературы: если в «Известии» подавляющее большинство рассматриваемых писателей были дворянами, а трое духовных писателей принадлежали к высшему духовенству, то в «Опыте» число подобных высокопоставленных лиц не превышает 50 человек, а остальную часть словника (куда вошло 315 имен)¹⁶ составляют небогатые дворяне,

---

¹⁵ Мартынов И. Ф. «Опыт исторического словаря о Российских писателях» Н. И. Новикова. . . С. 189.

¹⁶ Традиционно указываемое их число 317 нуждается в пересмотре: Иоанн Кослович и В. П. Петров упомянуты дважды.